

Эльчин САФАРЛИ
Татьяна СОЛОМАТИНА

составитель
Алмат МАЛАТОВ

Китя КАРЛСОН
Ника МУРАТОВА
Лидия ТОРТИ
Аглая ДЮРСО

КОНТУРНЫЕ
КАРТЫ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

АСТ

Эльчин Сафарли

Угол ее круглого дома

«АСТ»

2009

Сафарли Э.

Угол ее круглого дома / Э. Сафарли — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-457-16596-0

ISBN 978-5-457-16596-0

© Сафарли Э., 2009

© АСТ, 2009

Эльчин Сафарли

Угол ее круглого дома

*Моему верному другу, который неожиданно упорхнул в небо,
бросив меня на полпути...*

Прошлое – это лишь пролог.
Уильям Шекспир

Никогда не сжигайте дневники. Прячьте их в самом укромном месте чердака, закапывайте под горбатым инжировым деревом или, обернув широким скотчем, оставляйте там, где долго не появитесь. Да что угодно делайте, только не уничтожайте – в дневниковых заметках зафиксированы пройденные нами, выученные и невыученные, уроки. Поэтому-то так плотно, болезненно сжимает сердце при виде этих молчаливых старых друзей. Хотя порой так и подмывает уничтожить все следы, по которым другие могли бы узнать нас бывших... Я сохранила свои записи. Горжусь собой. Значит, смогла принять прошлое, сколько бы слез в нем ни было. Примирилась с ним. Самое неприятное – понимать, что на развилке прошлого мы сделали свой выбор, разминувшись с другим будущим. Возможно ли вернуться назад и выбрать новый путь?..

* * *

Я решила, что непременно расскажу нашу историю в тот день, когда потеряла тебя. Потеряла на одной из скоростных дорог, по которой мы не раз уезжали, возвращались... Сегодня, встретив очередной день новой жизни, я сажусь за компьютер, чтобы выполнить обещанное. Напишу о нас. Обложились тремя дневниками, которые вела в разные моменты жизни, фотографиями, принесла любимый чай из анатолийских мандаринов и фруктовое печенье с корицей... Мне важно, чтобы ты направлял меня, не давал сбиваться, кривить душой, ладно? Включаю Нину Симон и начинаю.

Кто прочитает эту повесть? Пусть это будут люди, которым она принесет благо. Пусть она заставит их задуматься, пусть сердца их станут светлее. Я надеюсь, моя искренность извинит заурядность письма и читатели не раз узнают себя и свои чувства в нашей истории. Такое происходит со многими, а, стало быть, такой опыт нам необходим. Мы становимся зрелыми, когда учимся смотреть на жизненные обстоятельства отстраненно. А сама история... Что ж, в ней, как и в жизни, нет выверенной схемы.

* * *

И сейчас ты со мной. И сейчас я люблю тебя так же, как любила в *те* дни...
Когда мне было двадцать пять, тебе – чуть больше...

* * *

Жизнь и в самом деле печальна и торжественна.
Нас впускают в этот замечательный мир, мы встречаем друг друга,
знакомимся и некоторое время идем по жизни вместе.

*Затем мы расстаемся и исчезаем столь же неожиданно, необъяснимо,
как появились.*

Юстейн Гордер

Знаю, ты не вернешься, но я все равно буду любить тебя. Всегда. Там, внутри, где-то между беспокойным сердцем и тугими ребрами, ты заполнил все сияющим светом.

Мне не хочется обсуждать, сравнивать, объяснять мои чувства – да я и не смогла бы. Пусть хранятся внутри, надежно и безмятежно. Пусть они останутся исключительно моими, не попадут под общеизвестные ярлыки, так легко навешиваемые массами-классами.

Может, и в самом деле у всех жизненных историй одна суть – меняются лишь герои, проявления, место действия? Весь мир – театр, и люди в нем актеры. Кто же тогда сценарист? Режиссер? Зрители? Ну хорошо, пусть суть одна – мне нечего возразить, я прожила лишь одну-единственную историю. Но я уверена: похожими могут быть обстоятельства, но не любовь. Каждая любовь соткана из мелких деталей, мелких, но способных нарушить все ходы, стратегии, планы. Даже итоги.

Мой любимый! Наша с тобой любовь, конечно, тоже совсем не такая, как у других. Нет, она зародилась не на другой планете. Но в ней было то, что было только у нас, а ведь мы неповторимы. В ней были *наши* чувства. Они у каждого из нас своего оттенка. Полутона, переходы – вот что делает каждую любовь особенной. У любви нет единого рецепта: кто знает, может, если бы он был, разлука не была бы столь болезненной и поддавалась бы лечению...

Какая моя самая большая победа? Я научилась не жалеть. А не жалеть – значит верить. Открывать сердце. Горжусь всеми пролитыми слезами. Их соль действительно лечит. Не сразу, конечно, это же не внутривенное обезболивающее. Но со временем то, над чем ты когда-то плакал, обязательно утрачивает былую остроту – воспоминание становится легким, как тополиный пух. И вдруг осознаешь, что плакать не вредно, а необходимо. Чаще всего слезы избавляют от необходимости размышлять, объяснять, доказывать...

Горжусь всеми закрывшимися за мной дверьми. Дверьми, которые я закрыла сама. Если бы не они, я продолжала бы ждать, с надеждой прислушиваться: не он ли стучится? «Да, это точно он! Сейчас обнимет, извинится поцелуем и шепнет одними губами: “Пакуй чемоданы, мы уезжаем”. Он вернулся, я так счастлива!»

Реальность чаще всего была иной – стучались электрик, почтальон, подружка, соседка, все кто угодно, кроме него. Однажды, закрывая черт знает в какой раз дверь за соседкой, я поняла, что по-настоящему посторонний – это *он*. Тот идеальный образ, который существовал только во мне и измучил меня неоправданными надеждами, неисполненными ожиданиями. Да, я истерично заламывала руки, отчаянно напивалась, называла всех мужиков «безмозглыми кобелями», но в результате научилась открывать дверь только тем, кто цеплялся за краешек моего сердца, а не просто подходил близко. Сердце – не подводит. Порою мешает, но никогда не подводит...

Я бы завернула нас обоих в лучи майского солнца и, наплевав на любые прогнозы, целовала бы твои запястья, покрытые изнутри голубыми ручейками выпуклых вен. По временам мы бы выскальзывали из объятий друг друга и, взявшись за руки, бегом неслись бы в сторону вечерней площади, где на горячем мощеном настиле расположились торговцы жареными каштанами, сладкой ватой, всякими побрякушками из лучезарных самоцветов или болтливые гадалки с ослепительно яркой раскраской лиц, хранящих таинственное выражение.

Мы озорно целовались бы на глазах у шумной толпы, веселящейся под звуки французской гармошки. Я, кружась в вихре танца, наступала бы на подол своей длинной юбки из морского хлопка, вечно сползающей в самые непредсказуемые моменты. А ты, мой благородный спаситель, избавлял бы меня от этих потешных мучений, брал бы на руки, уно-

сил туда, где созревающие ягоды остаются чуть кисловатым привкусом на горячих губах, а цветок в нагрудном кармашке твоего вельветового пиджака, кажется, только расцветает, никогда не вянет...

Смотри, я рассказываю о том, что было, так, будто этого вовсе не было. Наши каникулы, описанные на бумаге, выглядят волшебной сказкой. Но почему? Потому что я мучительно хочу пережить все это снова. Готова делать вид, что ничего этого не было, а только будет, лишь бы обмануть того режиссера нашего земного театра и получить лучшую роль. А может, я обманываю себя? Какая разница! Это самый приятный обман, он намного обаятельнее действительности...

Я не склеиваю треснутые рамки. Не выжимаю сок из высохших апельсинов. Я просто женщина, которая предпочла жить воспоминаниями. Это не плохо, это не болезнь, это не желание спрятать голову в песок. Я не расстаюсь с прошлым, не мучаюсь бесполезными попытками сохранить его там, на дне флакона, в остатках твоего любимого «Фаренгейта», чтобы его хватило закрасить пробелы настоящего. Пробелы, которые остались после тебя, — ведь это же не зависит от меня и не связано со страхом перед грядущим.

Это похоже на сумасшествие, но каждый раз, стоя в ванной после горячего душа, я вглядываюсь в отражение слегка запотевшего зеркала и почти отчетливо вижу, как тыходишь сзади, полуголый и нежный, целуешь меня в шею: «Ты пахнешь мной...» Может, это мужской эгоизм, но он такой трогательный, что я киваю в ответ, распуская полотенце с мокрой головы, а ты, прямиком за мной, скидываешь с меня шелковистый жемчужный халат. Обхватываешь меня длинными крепкими руками и, положив голову на мое плечо, просто дышишь со мной в унисон. Знаешь, сейчас, как и тогда, мне не нужно ничего больше. Люди слишком многое связывают с сексом, тогда как настоящая близость — глубже. Она в ласковом прикосновении, в спокойном взгляде и ровном дыхании рядом...

Перечитываю написанное. Удивительно, какой сильной-пресильной я выгляжу. Будто крепкое вишневое вино, которое настолько налилось игривой силой, что даже наполовину разбавленное водой все равно ударяет в голову, утяжеляет ноги... Поверь, за этими строками все равно скрывается обычная тоскующая женщина, которая смеется и плачет одновременно и которой просто немного не повезло. Какой бы стойкой ни хотела показаться женщина, она непременно плачет наедине с собой. Слезы — наш женский способ справляться с замкнутым пространством дурных эмоций и с сослагательным наклонением, которое дразнит обманчивой близостью желаемого через забор непреодолимых «бы».

Вот и сейчас я плачу и смеюсь — одновременно. Плачу из-за того, что безумно скучаю по тебе, осязаемому, когда твой образ не нужно восстанавливать в памяти по крупикам, когда можно целовать тебя в небритую щеку в самый неожиданный момент. Смеюсь же из-за того, что я все-таки дура, если рыдаю по тебе. Ведь ты теперь вечен.

У нас ведь с тобой теперь целое море, в которое мы ныряли и будем нырять, позволяя себе с размахом бездельничать назло рабочим графикам, обветренным губам, хамству служащих Домодедова, изнуряющей тишине переполненных лифтов. Я счастлива, что у меня есть настоящее, неотделимое от твоего настоящего *там*. Любовь — как горная река. Сметает на своем пути любые преграды. Если не мгновенно, то очень скоро...

Ты только продолжай направлять меня. «Рука в руке, сердце в сердце». Помнишь нашу клятву? У меня не осталось никаких сомнений — любовь превращает даже самых взрослых людей в сентиментальных подростков...

* * *

Потрепанный старый дневник под красной кожаной обложкой... Не перечитывала его прежде. Однако сейчас рука сама потянулась к верному хранителю моего прошлого. В нем

отчет о жизни до тебя. Исписанные страницы с вложенными кое-где фотографиями. Взгляд замирает на одной из них. Я в обнимку с тем, от кого уже давно не прячусь за темными очками. Отгорело. На задней стороне снимка, успевшего поблекнуть, строчки, написанные моим торопливым мелким почерком.

Забавно оглядываться туда, где простыли мои следы... Какой я была, сколько всего отпущено, написано, сказано... И как долго нужно учиться молчать о главном – чтобы не выболтать самое сокровенное первому встречному. Но и это нужно было пережить, ты понимаешь?

Позвоночник ноет ночью: раз звоночек, два звоночек. Дверь открыта, холод впущен, но за ним опять не ты (у соседки треснул чайник, ей без чайника не спится).

Я тобой полна до края, набери мой номер сердца и скажи, понизив голос: «Нам пора сменить замки... Ключ лишь тебе и мне, запомни».

А соседка ждет и, губы заморозив в полуслове, все стоит – ей то ли чая, то ли счастья, я не знаю, что ей надо, я в отчаянье.

«Заходите завтра, завтра, свет потух, и я не вижу, кроме ваших рук, ни зги...» – закрываю дверь в ответном полуслове. Мне самой не нужно света, чтобы взлетный путь увидеть.

Так и светится огнями, и ведет от сердца к сердцу. Ночь темна и путь неблизок, так что я прошу: дождись. Не пугайся, я сумею – только ты сумей в ответ...

Порой мужчины, как пустые лестницы, унылы. Возможно, любят – но молчат.

В своих мужских мирах у них, должно быть, все иначе, здесь же они лишь убегают, оставляя рябь, чтобы курить и множить тупики.

Спрошу тебя: «Ну что не так?»

Ответа нет – целуешь в шею, и на ней краснеют колючие вопросы от щетины.

Я злюсь, но понимаю, что мужчины приходят в этот мир, неся сомненья. Им «да» сказать заведомо труднее, им легче «нет» отдать в хозяйство девичье.

И я не тороплю. Я снова жду, я покупаю платья, я стрижку делаю такую, какую любишь ты. Я вся твоя, но даже я не знаю, когда сотрутся каблук у туфель Веры.

* * *

Ты – мой, я – твой счастливый случай. Счастливый при всей своей обыденности.

Наше знакомство было комичным – оно совсем не походило на сентиментальную историю из пошлых книжек. Например, Она нечаянно (а может, нарочно) роняет книжки, а Он, голубоглазый блондин с мужественным подбородком, наклоняется, чтобы помочь ей собрать томики американской беллетристики, и вот – ба-бах! – они сталкиваются лбами. Теперь Он должен сказать: «Извините мою неловкость» хриплым сексуальным голосом, а Она, краснея, опустить глаза и пролепетать потерянно: «Я сама виновата». Дальше Он предлагает Ей чашку кофе в итальянском ресторанчике, а Она не сразу соглашается, потому что, во-первых, приучена к бабушкиной стряпне или даже к студенческому фаст-фуду, во-вторых, одета не ахти, а в-третьих, соски под ее единственной приличной блузкой предательски напрягаются. Так обычно встречает Принц Свою Золушку в книжках, а в жизни им требуется приложить куда больше усилий, чтобы разглядеть друг друга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.